

著者(英)	Shiro Sasaki
journal or publication title	Senri Ethnological Reports
volume	128
page range	89 (eng.101)-100 (eng.111)
year	2015-03-27
URL	http://doi.org/10.15021/00000819

Способы охоты и охотничьи снаряжения у народов Сибири и Дальнего Востока

Сасаки С.

Национальный музей этнологии

Введение

Многие этнографические работы, написанные в период царской России и Советского Союза отражают охоту коренных народов Сибири и Дальнего Востока как примитивное и нецивилизованное средство к существованию, которое должно было быть реформированно в цивилизованную, модернизированную, коммерческую и производственную деятельность. Так, в работе «Народы Сибири», изданной в 1954 г. под редакцией М. Г. Левина и Л. П. Потапова (перевод на английский язык опубликован в 1969 г. в Чикаго), охота описывается как один из типичных средств к существованию у коренных народов данного региона до социалистической революции и определяется как деятельность, которая отражала примитивный уровень развития этих народов (Левин, Потапов 1954: 228). Тем не менее, характер представлений об охоте у коренных народов Сибири и Дальнего Востока и рассмотрение перспектив исследований их охотничьей деятельности изменились недавно, перейдя от представлений об архаичности и примитивности способов охоты к пониманию их эффективности для использования и управления природными ресурсами.

Автор занимается исследованиями по традиционной охоте и анализом охотничьих способов и методов, снаряжений и орудий, а также природных и социальных условий, исторической трансформацией этого вида хозяйственной деятельности среди коренных малочисленных народов Дальнего Востока, в особенности у нанайцев и удэгейцев (Sasaki 2000a; 2000b; 2002; 2003b; 2009). В данной работе я рассматриваю охотничье снаряжение и методы охоты у бурят, проводя сравнение с охотничьей деятельностью у народов Дальнего Востока. Предварительно, я ставлю два теоретических и гипотетических предположения о методах охоты и охотничьем снаряжении народов Сибири и Дальнего Востока России. Во-первых, методы охоты являющейся, средством существования и нацеленной на крупную добычу: лося, изюбря, косули, дикого кабана, и т. д., – и методы промысловой охоты на пушного зверя: соболя, горностая, колонка, белки и т. д., взаимозаменяемы. Оба типа охоты требуют одних и тех же навыков, таких как выслеживание, загон, засада, стрельба и захват (Sasaki 2003a: 108).

Во-вторых, охотники легко меняли свои методы и снаряжения: когда

узнавали более эффективные варианты или они могли гибко адаптироваться к новым политическим, экономическим и социальным условиям, если это необходимо (Sasaki 2003a: 108). Например, охотниками были восприняты некоторые виды автоматического самострела, пружинных капканов, ловушек-западни, петли и винтовки Советской армии. Также некоторые методы выслеживания, засады зверей часто встречались среди охотников у разных коренных народов Сибири и Дальнего Востока. Данные факты восприятия новых элементов и адаптации охотников означают, что они независимо от их места проживания, культуры и этнической принадлежности, признавали практичность и хорошую производительность новых техник и методов. С другой стороны, распространение охоты с ружьём и капканами было связано с государственной политикой в отношении охоты и рационального использования природных ресурсов, а также зависело от разных экономических условий в период социалистической экономики и развитием рыночных отношений в недавнее время в этих регионах. В данной статье на материалах по этнографии бурятского народа и народов Дальнего Востока я рассматриваю такого рода предположения.

Классификация охотничьей деятельности

Охотничья деятельность может быть разделена на несколько типов. Например, этнограф из Республики Саха, Ф. М. Зыков классифицирует охоту народа Саха (якутов) на две категории: активную и пассивную. По его словам, первый тип охоты включает в себя такие методы, как подкрадывание, выслеживание, загон, засада, а второй тип почти схож с методом охоты на зверя при помощи ловушек. Ф. М. Зыков далее классифицирует пассивную охоту на два подтипа в зависимости от вида ловушки: передвижной и неподвижной. К первому подтипу могут быть отнесены такие орудия, как петли, капканы-челюсти, черканы, ловушки-самострелы, а ко второму – ямы-ловушки, западня, петли с некоторыми утяжеленными конструкциями (Зыков 1989: 65; Sasaki 2003a: 92). С. Г. Жамбалова утверждает о двух способах классификации охоты у бурят: коллективной и индивидуальной, в зависимости от количества людей, участвующих в охоте. Также она вслед за Ф. М. Зыковым считает, что охота имеет два типа – активную и пассивную (Жамбалова 2004: 107).

С точки зрения значимости охоты для общности людей, ее можно классифицировать на две характерные функции: как наступательная охота и как оборонительная охота. В первом случае охотники захватывают зверя, чтобы добыть мясо, шерсть и другие полезные продукты и материалы для своей жизнедеятельности. В этом случае используется оба типа этой

деятельности: активная охота с ружьем и пассивная охота с ожиданием зверя. Во втором случае, при оборонительной охоте, люди убивают или устраивают погоню на зверя для того, чтобы защитить свою жизнь и имущество. Во многих случаях охотники устанавливают ловушки или ямы на тропах диких животных, ведущих в жилое и хозяйственное пространство общины. В этом случае, мясо и меха пойманных зверей представляют побочный продукт, по сравнению с результатами основной хозяйственной деятельности.

Кроме этого, охотничью деятельность можно классифицировать с социально-экономической точки зрения еще на следующие три вида: охота как средство для существования (или самообеспечения), как коммерческая (или рыночная) деятельность и как царская охота. Последний тип охоты был известен как занятие правящего класса – королей и императоров – во всем мире для тренировок своей армии. В первых двух типах можно выделить такие подвиды как охота на крупных млекопитающих для добычи мяса и охота на мелких и средних зверей для добычи меха или шкуры.

Однако, строго говоря, охота необходимая как средство для существования не тождественна охоте на крупных млекопитающих, равно как и коммерческая охота не может сравниться с охотой на пушного зверя. Крупные животные, такие как изюбрь и медведь, становились объектами охоты с целью продажи продуктов: рогов, мяса и различных органов для изготовления лекарственных препаратов. В прежние времена, когда люди часто испытывали недостаток продовольствия, охотники и их семьи часто употребляли мясо зверей маленького и среднего размера, таких как лиса, соболь и белка.

Способы охоты у бурят. Охотничьи орудия и снаряжения

Активная охота

В бурятском обществе, также как у эвенков и других коренных народов, проживающих в лесных зонах, охота играла важную роль. Хотя основными производительными видами деятельности бурят были животноводство и сельское хозяйство, все же они активно участвовали в облавной коллективной или индивидуальной видах охоты.

Как уже упоминалось выше, С. Жамбалова классифицирует бурятскую охоту двумя типами – коллективной и индивидуальной, а также разделяет эту деятельность на активную и пассивную. Верховая езда резко изменила способы и методы охоты, предоставив возможность большего разнообразия в этой деятельности. Согласно ее мнению, коллективная охота состояла из облавы и загона. Она считает, что разница между ними заключалась в принципах организации, в структуре охоты и количестве охотников. В первом

случае в организации охоты было принципиально образование круга охотниками с целью окружить зверя и затем сужением круга в центр его захват. При загонной охоте, напротив, участники охоты (обычно 15–20 человек) делились на группы стрелков и загонщиков, из которых первых было большинство. Группа стрелков оставалась на заранее оговоренной позиции, группа загонщиков создавала шум и устраивала погоню зверей в направлении группы стрелков (Жамбалова 2004: 109).

Облавная охота была распространена в степи и лесостепной зонах Евразии. Чжурчжэни, маньчжуры и монголы часто проводили такую охоту и составляли свою армию на принципах организации облавной охоты. Наглядным примером являлась маньчжурская система организации войска под восемью знаменами. Согласно К. Вяткиной, письменные источники по облавной охоте у бурят были выявлены в конце XIX–в начале XX в. Охота называлась *эзэйтэ аба* у западных бурят и *аба хайдак* – у восточных. К. Вяткина приводит пример облавной охоты у хори-бурят, записанной в конце XIX в. Охота аба хайдак обычно организовывалась в зимний период, в декабре или январе, и продолжалась в течение 1,5-2 месяцев. За один раз собиралось для участия в охоте до тысячи человек. Охотники сооружали несколько лагерей, которые делили огонь с одного очага (*гала*). Все охотники были разделены на две группы так называемых *шарагалзатов* и *нагатайцев*, а в каждой охотничьей группе выбирались лидеры. Самые главные лидеры назывались *тубучи*. Они давали инструкцию охотникам, откуда и как начать охоту и где заканчивать охотничий круг. Другие лидеры-проводники (*газарчи*) указывали позиции на местности, где должны были находиться стрелки во время охоты. Когда звери, в том числе волки, лисы, лоси и медведи выбегали из леса в местность, окруженную охотниками, они, прищпорив лошадей, начинали охоту. Охотники имели право преследовать зверей до следующего стрелка. Когда происходил конфликт между участниками, по правилам охоты, специальные лица – лидеры, называемые *засагулу* выступали посредниками в его разрешении. Когда охота была завершена, крупная добыча поровну распределялась между членами одного лагеря (Вяткина 1969: 77–79).

Бурятские охотники также использовали такие методы охоты, как выжидание, выслеживание и облава. Во время охоты на изюбря, буряты приманивали его солью, посыпанной на поваленное дерево. Когда олень подходил попробовать соль-приманку, охотник выжидал его на лабазе, построенном рядом с этой приманкой, откуда он и выстреливал в оленя. Выстрелом с укрытия также убивали медведя во время зимней охоты (Вяткина 1969: 80). Осенью, когда начинался брачный сезон у изюбря, бурятские охотники использовали длинный свисток, для имитации рёва. Свист охотника олень воспринимал за «рёв» другого соперника за самку и

приближался к месту, где предполагал бороться с самцом. В это время охотник, ожидавший оленя в засаде, выстреливал в свою жертву (Вяткина 1969: 80; Жамбалова 2004: 111).

Методы выжидания в укрытии и привлечения оленя с помощью свистка также встречаются у других коренных народов Сибири и Дальнего Востока – эвенков, нанайцев и удэгейцев. Несмотря на то, что собаки играют важную роль в поиске и погоне зверей, охотники не брали собак или ограничивали их присутствие в охотничьем лагере в случае, когда нужно поджидать зверя в укрытии. Нанайцы и удэгейцы ловили диких кабанов с помощью облавной и загонной способов охоты. Эвенки охотились на лося и изюбря с помощью выслеживания, подползаний и загона. В отличие от бурят, которые ездили верхом на лошади в степной и лесостепной зонах, тунгусские народы, которые были по-настоящему лесными людьми, вели охоту пешком, на лыжах (народы Дальнего Востока), верхом на олене (эвенки). Однако среди них исключение составляли конные маньчжуры, кочевые эвенки (в том числе солоны во Внутренней Монголии), а также ороконы (в китайской провинции Хэйлунцзян).

Пассивная охота (заманивание в ловушку)

Охотники обычно считают, что занятие активной охотой является гораздо более престижным видом деятельности, чем пассивная, поэтому гордились высоким мастерством в ней. Тем не менее, пассивная охота (заманивание зверя в ловушку) превосходит активную в безопасности охотника и, в некоторых случаях, качеством добычи. В частности, в охоте на пушных зверей, этот тип охоты считается гораздо более продуктивным и эффективным, потому что он оставляет меньше повреждений на драгоценном меху. Некоторые искусные охотники, которые могли поймать много соболей, сохранив мех в высоком качестве в течение сезона, получали высокую оценку и репутацию в обществе. В то время как активная охота требует от охотника больших физических усилий и превосходного оружия, чтобы метко выстрелить в зверя, пассивная охота требует от него больше знаний о характере зверя, его привычках, чтобы предугадать его действия.

К. В. Вяткина отмечала, что охотничьи принадлежности у бурятских охотников были довольно примитивны и в основном состояли из ловушек, таких как пасти, плашки, кулемы, петли, ямы и самострелы (Вяткина 1969: 80). Однако такая оценка была следствием влияния советского дискурса в этнографии, которая всегда определяла все традиционные элементы, использовавшиеся еще до социалистической революции как примитивные. Напротив, С. Жамбалова показала нам приемы и способы использования многих видов ловушек без подобного рода оценки. Она пишет, что в лесной

зоне бурятские охотники устанавливали на звериных тропах и других узких местах различные ловушки: ловчие ямы (*нухэн*), петли (*урха*), самострелы (*хали*), ловушки-западни (пасть, кулем, кулемка – *хирааз*, *дараалга*, *занга*), засеки (*нуро*, *хашан*, *хурез*), и плашки для соболя. В степной зоне буряты ловили волков и лисиц, установив капканы с приманками (Жамбалова 2004: 108).

Бурятские охотники ловили крупных млекопитающих с помощью ям-ловушек, выкопанных около 2 м. в глубину и 1,5 м. в диаметре. Сверху, вокруг отверстия ямы так, чтобы ее края не осыпались, охотники устанавливали деревянную рамку. Яма была покрыта ветками, листьями или снегом. Петли изготавливались из лошадиного хвоста или проволоки и использовались при добыче косули, кабарги, рыси (Жамбалова 2004: 108). Охота с помощью установленных ограждений или засек также была популярна среди бурят. Они строили засеки в 200–300 м. длиной на звериных тропах и оставляли лазейки для зверей, проходя которые они попадали в установленные капканы, ямы или самострелы. Таким образом, с помощью засек бурятские охотники добывали лося, изюбря и косулю. Для охоты на кабаргу буряты устанавливали петли вместо ямы или самострела. Такие приемы охоты также встречались среди эвенков и удэгэйцев Сибири и Дальнего Востока (Василевич 1969: 55; Sato 2009: 33). Охота с помощью засек была эффективной в лесу, где обитали различные виды оленей.

Охотничье снаряжение

Оружие

Согласно результатам исследований С. Жамбаловой, охотничье снаряжение у бурят состояло из следующих предметов: лук (*намо*), стрелы (*годли*), копьё (*жада*), плетё (*минаа*, *ташуур*), палка (*годо*, *удар*), нож (*хутага*), ружье (*буу*), самострелы (*хали*), петли (*урха*), кулемка и кулем (*даралга* и *занга*), пасть (*хирааз*), плашки, манок-свисток на изюбра (*урам*) и манок-свисток для косули и кабарги (*шэбшуур*) (Жамбалова 2004: 110).

Хотя традиционным оружием бурятских охотников были лук и стрелы, некоторые снаряжения для верховой езды и для разведения скота тоже могли быть использованы во время охоты в степной зоне. Например, плетё и специальная палка были использованы для загонной охоты на волка и лису. Палка 2–2,5 м. в длину изготавливалась из сухой березы и иногда использовалась береза с комлем на конце.

Лук и стрелы были самым популярным и надежным оружием для добычи зверя верхом на лошади. Также было более выгодно использовать их в облавных и загонных типах охоты верхом на лошадях. С. Жамбалова

демонстрирует фотографию, на которой охотник сидит на лошади с натянутой стрелой из лука (Жамбалова 2004: 112). Чехол для лука зафиксирован у него на левом боку, а колчан для стрел – на правом для того, чтобы охотник мог легко взять лук и стрелы. По выводам С. Жамбаловой, бурятам было запрещено использовать оружие (*буу*) до XVIII в. Тем не менее, они начали использовать их, по крайней мере, в XVII в. Ружья пришли к ним от китайцев, а терминология была заимствована с маньчжурского языка (монгольское слово *буу* происходит от маньчжурского *поо*, что означало «пушка» (Haneda 1972: 352). До начала XX в., бурятские охотники использовали кремневое ружье с подставкой-сошкой (фото105), которая придавала устойчивость для настройки ружья (Жамбалова 2004: 111).

Ловушки

Ловушки бурятских охотников можно разделить на пять видов в зависимости от механизма захвата зверя: ямы-ловушки, западни, силки-петли, капканы и самострелы. Как упоминалось выше, зверь попадал в глубокую яму-ловушку и во многих случаях охотники устанавливали несколько деревянных палок на дне, чтобы ограничить движение животного и не позволить ему выбраться из ямы. Бурятские охотники использовали такой тип ловушек для добычи крупного зверя, таких как лось и олень. Ловушка в виде клетки или коробки использовались для поимки зверей тем же способом, т. е., они были предназначены для ограничения движения добычи, заманив ее в маленькое пространство.

Механизм поимки зверя с помощью западни заключался в сдавливании туши зверя или удара по голове или шее тяжелыми сооружениями. Такой же механизм срабатывания был в других ловушках – кулеме и кулемке (*даралга и занга*), пасти (*хирааз*), плашки. Эвенки, которые проживали недалеко от русских сел, также использовали эти виды ловушек (фото 106). Согласно исследованию советского этнографа Г. М. Василевич, специалиста по культуре эвенков, в основном ловушки типа западни не были характерны для охотничьего снаряжения эвенков, и, более того, они часто жаловались на русских об использовании ими таких ловушек в XVII–XIX в. (Василевич 1969: 65). Однако позже эти виды ловушек постепенно распространяются и среди эвенков. На эвенкийском языке ловушки назывались *ланг*, *нянг*, *соксо* (*соксо* было заимствовано из якутского языка), и *пахи* (из русского языка). Слова *ланг* и *нянг* имеют общий корень со схожими словами из тунгусских языков, что позволяет предположить о существовании западней-ловушек с простой конструкцией (Sasaki 2009: 82). Поэтому, в отличие от мнения Г. М. Василевич, я думаю, что такая западня-ловушка также была одним из традиционных видов охотничьего снаряжения у эвенков до прихода русских.

Вообще западня-ловушка представляет собой в основном конструкцию, состоящую из тяжелого бревна (ствол или ветка дерева), которое висело над или поддерживалось специальным устройством, срабатывающим от легкого прикосновения зверя. Во многих случаях это может убить дикое животное одним тяжелым ударом и почти без повреждений на добыче. Поэтому ловушки этого типа часто используются во время охоты на пушных зверей. Более того, не было необходимости для охотников готовить специальные материалы для сооружения таких ловушек, поскольку они могли быть сконструированы из того, что имелось в окружающей местности. Хотя традиционные ловушки были широко распространены среди народов Сибири и Дальнего Востока до 1960-х г., однако с увеличением использования капканов, которые могли быть установлены в большем количестве мест, ловушки традиционного типа были забыты.

Петли или силки также были широко распространенными ловушками. Они использовались при охоте на многих видов зверей от небольших пушных – горностаи и белки, до крупных млекопитающих – лоси и изюбры. Они изготавливались из разнообразных материалов, но конский волос был лучшим материалом для изготовления силков. Даже нанайцы и удэгейцы на Дальнем Востоке, которые редко занимаются разведением лошадей, признавали качество конского волоса в качестве лучшего материала для этого типа ловушек (Sasaki 2009: 77). Когда при советской власти стали распространяться промышленные материалы, конские волосы в изготовлении ловушек-силков были заменены проволокой. Можно предположить, что бурятское название петель – *урха*, имеет общий корень с тунгусо-маньчжурским термином, применявшимся к этому орудю охоты. Так, например, в эвенкийском языке он имел ряд названий: *хурка*, *окурка*, *орка*, *укурга* и *урка*, у нанайцев он также имел несколько названий: *потка*, *пойка*, *пурка*, *фойка*, *хутка*, а у удэгейцев были следующие названия: *хука*, *хукка*, *хуйка*, *хурка* – и маньчжуры сохранили свою терминологию: *хугра* и *хурка* (Sasaki 2009: 82). Хотя трудно сказать, с какого языка был изначально заимствован этот термин, данный факт показывает нам, что монгольские и тунгусо-маньчжурские народы разделяли общий тип охоты с помощью ловушки из петель в течение длительного времени.

Самострелы были популярны среди охотников всего мира. Насколько мне известно, существует два типа такого оружия в Сибири и на Дальнем Востоке. Сибирский тип самострела отличается тем, что при его использовании охотники могут менять ударную силу лука в зависимости от размера зверя. Этот тип был распространен в Якутии и в некоторых местах Дальнего Востока. Другой тип самострела-лука можно назвать дальневосточным, и он имел крючкообразную защепку для того, чтобы удерживать

тетиву. Этот тип был известен народам бассейна нижнего Амура, Сахалина и Хоккайдо. Айны на Хоккайдо использовали это оружие с изготовлением яда для стрел, а другие народы, в том числе айны Сахалина, не использовали яд для самострела. Охотники должны были устанавливать особые опознавательные знаки для людей вокруг мест, где стояли настроенные к выстрелу самострелы во избежание каких-либо несчастных случаев.

Самострелы в целом были признаны как опасный вид оружия, потому что они часто ранили мигрантов, которые не могли понять эти опознавательные знаки, сделанными местными охотниками. В России этот вид оружия был официально запрещен в 1930 г. Тем не менее, охотники тайно продолжали использовать его в отдаленных районах и благодаря такому неофициальному бытованию мы можем получить определенную информацию о способах использования этого охотничьего оружия сегодня.

Железные капканы и «сэндвич»-ловушки ловили зверей путем захлопывания или зажима части тела животного за счет силы пружинного устройства. Ловушки, в которых использовался лук вместо железной пружины, назывался *черкан*, и он был широко распространен во всем мире. До появления современных железных капканов, черканы использовались в степи и лесных зонах для лова мелких пушных зверей. Советская методика охоты рекомендовала использовать модернизированные промышленные материалы, что ускорило использование железных челюстей-ловушек для охоты на пушных зверей. Мои полевые исследования показывают, что на Дальнем Востоке существует много способов настройки капканов при собольей охоте в зависимости от географических и климатических условий (Sasaki 2006: 145–148). Местные охотники, а также русские разработали различные способы надежной и эффективной поимки соболя. Этот пушной зверь был стратегическим материалом для Советского Союза, который экспортировался в страны Европы и США, поэтому советское правительство строго контролировало производство этой пушнины. Распространение и использование капканов среди народов Сибири и Дальнего Востока являются одним из свидетельств политических условий того времени, оказывавших большое влияние на методы охоты и снаряжение у коренных народов в отдаленных регионах.

Вывод

В результате сравнения способов охоты и снаряжения бурят с соседними народами Сибири и Дальнего Востока, можно сделать вывод, что все они имеют некоторые общие черты, хотя, конечно, существует заметная разница. Нанайцы и удэгейцы Дальнего Востока не являлись кочевыми народами в

степи и лесостепной зонах в отличие от бурят и монголов, но были оседлыми и полuosедлыми народами, проживавшими в лесу и прибрежных зонах. Таким образом, они не ездили верхом на лошади и не охотились верхом. Вместо этого они передвигались на лодке летом и на собачьей упряжке зимой (в настоящее время, они перемещаются на лодке с бортовым мотором летом и на снегоходе-буране или внедорожнике зимой). В загонной и облавной типах охоты, нанайцы и удэгейцы преследуют зверей пешком летом и на лыжах в зимний период. Эвенки являются лесными народами, которые занимаются оленеводством и используют одомашненных оленей в качестве транспортного средства. Тем не менее, они разделяют сходные представления о лесной экосистеме и, как следствие, некоторые их способы и методы охоты и снаряжения совпадают с охотничьей культурой у народов Дальнего Востока.

Кроме того, каждая этническая группа имеет различные исторические предпосылки. Буряты и эвенки были включены в состав Российской империи с середины XVII в., в то время как нанайцы и удэгейцы в этот период признали власть маньчжурской династии Цин в Китае. И только после социалистической революции 1917 г. они были включены в общую историю России.

Тем не менее, можно увидеть некоторые общие черты в их способах и методах охоты и охотничьем снаряжении, что может быть объяснено по-разному. Например, буряты, эвенки и народы Дальнего Востока устраивали засаду на изюбря и дикого кабана в укрытии-лабазе, построенном недалеко от места, где охотники готовили приманку-солонец или в тех местах, где кабаны любят отдыхать и купаться. Этот распространенный способ охоты можно объяснить знанием привычек и поведения диких животных. В то же время, можно предположить, что народы данного региона заимствовали такой метод охоты у европейских охотников. При социалистической системе, производительные организации (колхозы и совхозы) рекомендовали принять коренным охотникам новые способы охоты для увеличения производительности. Как я уже упоминал выше, распределение железных капканов для соболиной охоты можно объяснить влиянием этой советской системы хозяйствования.

С другой стороны, некоторые виды ловушек, снаряжений, оружия и одежды получили распространение среди народов данного региона через культурные контакты, торговые обмены до появления русских и Советского Союза. Во время полевых исследований охотничьих традиций у удэгейцев в Приморском крае в 1992 г., я слышал, что шапка, украшенная хвостом соболя или белки, которую носили под капюшоном, была скопирована с военного шлема монгольских воинов. Хотя не мог проверить информацию через другие данные, думаю, что вполне возможно, когда предки народа удэгейцев столкнулись с монгольскими воинами, то их охотники посчитали монгольские

шлемы и доспехи очень привлекательными, поэтому такая одежда была воспринята в их охотничьем костюме. Можно предположить, что на самом деле, предки удэгейцев Дальнего Востока встретили не монгольских воинов, а маньчжурских, потому что последние воевали с ними против русских казаков в середине XVII в. Тем не менее, прямой или косвенный контакт способствовал культурному обмену даже между удаленными этническими группами и народами и распространению некоторых общих способов охоты и охотничьих снаряжений и оружия.

Таким образом, подробные сравнительные исследования способов охоты бурят и других этносов смогут открыть широкую перспективу по изучению охотничьей деятельности в культуре народов Сибири и Дальнего Востока.

Литература

Haneda Toru

1972 *Manchurian-Japanese Dictionary*. Tokyo:

Левин М. Г. и Л. П. Потапов (ред.)

1954 *Народы Сибири*. Москва, Ленинград: Издательство Академии Наук.

Sasaki Shiro

2000a Fur animal hunting of the indigenous people in the Russian Far East: history, technology, and economic effects. In Inoue, M and Isozaki, H. (eds.), *A Step toward Forest Conservation Strategy (I), Interim Report 1998, IGES Forest Conservation Project*, pp. 495–513. Hayama: Institute for Global Environmental Strategies (IGES)

2000b Comparative study of hunting techniques of the Native People of the Lower Amur Basin and the Primor'e Region: with focusing on traps for fur game animals. In *The Ainu and Northern Peoples: with Special Reference to the Subsistence Strategy, (The Proceedings for the 14th International Abashiri Symposium (2000))*, pp. 11–21. Abashiri: The Association for the Promotion of Northern Culture

2002 Hunting activities and forest management of the Udeghe people in Krasnyi Yar in Russian Far East, In Inoue, M., H. Kakizawa, and S. Tachibana (eds.) *Russia Country Report 2001: IGES Forest Conservation Project*, pp. 83–103. Hayama: Institute for Global Environmental Strategies (IGES).

2003a Changes of hunting systems and strategies in Post-Soviet Yakutia: a case study of Eveno-Bytantai district. In Takakura, Hiroki (ed.) *Indigenous Ecological Practices and Cultural Traditions in Yakutia: History, Ethnography and Politics*, pp. 89–119. Sendai: Center for North Eastern Asian Studies, Tohoku University.

2003b Forest utilization by indigenous people in terms of hunting in the Russian Far East: from the case of the Udeghe people on the Bikin River. In Inoue, I. and H. Isozaki (eds.) *People and Forest: Policy and Local Reality in Southeast Asia, the Russian Far East, and Japan*, pp. 299–319. Dordrecht, Boston, and London: Kluwer Academic Publishers.

- 2006 A history of the forest use of the Udeghe, an indigenous ethnic minority in the Primorye Region in Russian Far East. In Sasaki, S. (ed.) *The Commercial Use of the Forest Resource and the Indigenous Minorities in Northeast Asia*, pp. 127–157. Osaka: National Museum of Ethnology (in Japanese).
- 2009 Historical back ground of the distribution of hunting techniques and equipment of the Peoples in the Lower Amur and Primorye regions: Focusing on the traps for fur bearing animals of the Udeghe people. In Sasaki, S. (ed.) *Human-Nature Relation and Historical-Cultural Backgrounds of Hunter-Gatherer Cultures in Northeast Asian Forests: Russian Far East and Northeast Japan* (Senri Ethnological Studies 72), pp. 75–99. Osaka: National Museum of Ethnology.
- Sato Hiroyuki
- 2009 Ethnoarchaeology of trap hunting among the Matagi and the Udeghe, traditional hunting peoples living around the Sea of Japan. In Sasaki, S. (ed.) *Human-Nature Relation and Historical-Cultural Backgrounds of Hunter-Gatherer Cultures in Northeast Asian Forests: Russian Far East and Northeast Japan* (Senri Ethnological Studies 72), pp. 25–46. Osaka: National Museum of Ethnology.
- Василевич Г. М. (Vasilevich G. M.)
- 1969 *Эвенки: Историко-этнографические очерки (XVIII–начало XX в.)*. Ленинград: Издательство «Наука», Ленинградское отделение.
- Вяткина К. В. (Viatkina K. V.)
- 1969 *Очерки культуры и быта бурят*. Ленинград: Издательство «Наука», Ленинградское отделение.
- Жамбалова С. Г. (Zhambalova S. G.)
- 2004 Охота. Абаева, Л. Л., Жуковская Н. Л. (от. ред.) *Буряты*, с. 105–114. Москва: Наука.
- Зыков Ф. М. (Zykov F. M.)
- 1989 *Традиционные орудия труда якутов (XIX–начало XX в.)*. Новосибирск: Издательство «Наука», Сибирское отделение.